

УДК 94(37).08

**«ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ» ГЕЛАСИЯ КИЗИКИЙСКОГО
И ПОХОД КОНСТАНТИНА I ВЕЛИКОГО ПРОТИВ МАКСЕНЦИЯ
В 312 г.: К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПОЗДНЕРИМСКОГО
ВОЙСКОВОГО РАНГА *AUXILIA PALATINA***

Е.А. Мехмадиев

Аннотация

Главная проблема, возникающая при изучении военных реформ императора Константина I (306–337 гг.), состоит в том, что крайне трудно проследить и установить четкие различия в правовом положении и ранге тех войсковых соединений, которые были созданы Константином в ходе его многочисленных войн. Все источники, наиболее часто попадающие в поле зрения исследователей (произведения Зосима, Евсевия Кесарийского, латинские панегирики), к сожалению, ничего не сообщают о происхождении и названиях (технических, официальных наименованиях) военных отрядов, служивших в армии Константина. В этом плане сведения восточноримского (ранневизантийского) церковного историка Геласия Кизикийского, незаслуженно обойденного вниманием и находящегося в тени своих более именитых коллег (Сократ Схоластик, Гермий Созомен, Феодорит Киррский), могут пролить свет на все поставленные вопросы, внести в их решение определенную новизну и в то же время ясность. Примечательно, что сам текст источника («Церковной истории», главного и единственного произведения Геласия, дошедшего до наших дней) был введен в оборот еще в 1918 г. публикацией Г. Лешке, но вплоть до наших дней исследователи не привлекали эти сведения в военном контексте. На основе данных Геласия автор рассматривает происхождение войсковых соединений, обладавших рангом *auxilia palatina*, – эти отряды несли службу во дворце императора и были самыми привилегированными в военной иерархии поздней Римской империи.

Ключевые слова: Геласий из Кизика, германцы, легион, Константин I, наемники, ауксиллии.

Вряд ли можно сказать, что «Церковная история» Геласия Кизикийского – автора, жившего предположительно во второй половине V в. и написавшего свой труд ок. 475/76 гг. [1, р. 284–287], – настойчиво привлекает внимание исследователей, изучающих не только историю восточно-христианской церкви IV в., но и позднеримскую военную организацию – тему, столь нуждающуюся сегодня в серьезном обновлении своей источниковой базы. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в области позднеримской военной истории, достаточно удаленной от проблем церковных споров, сведения Геласия Кизикийского до сих пор не получили должного внимания. Среди многих позднеантичных авторов, рассказывающих о событиях позднеримской военной истории, таких как Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан, Зосим, Ливаний и др., Геласий Кизикийский и его исторический труд явно пребывают на периферии исследовательского

интереса. Но мы хотели бы особо отметить, что данные Геласия о военных реалиях и проблемах империи в начале IV в. ни в коей мере не уступают по значению классическим и давно уже разработанным в литературе источникам, таким как *Res Gestae* Аммиана или «Новая история» Зосима.

Мы полагаем, что применительно к позднеримскому военному контексту в первую очередь следует обратить внимание на небольшой пассаж Геласия (4-я глава I книги «Церковной истории»), в котором он рассказывает о целой серии военных мероприятий, проведенных императором Константином I Великим (306–337 гг.) на рейнской границе в 312 г. незадолго до его знаменитого похода против Максенция – узурпатора, захватившего власть в Италии в 306 г. Как известно, поход в Италию против Максенция состоялся в октябре 312 г., но Геласий Кизикийский – один из немногих позднеантичных авторов, который предоставляет нам ценные сведения и о *структуре* той армии, которая прибыла вместе с Константином в Италию для борьбы с Максенцием.

В 4-й главе I книги своей *Syntagma* Геласий отмечает, что император Константин был обеспокоен частыми нападениями неких «савров», а также франков и других германских племен на римские земли (τὰ Σαύρων καὶ τὰ Φράγγων καὶ τὰ Γερμανῶν ἔθνη) и эти опасения заставили его перейти Рейн и выступить в поход против германцев, которые жили на правом берегу реки (τὸν Ῥῆνον ἐπὶ δεξιὰ διαβάς). В результате военных побед одна часть враждебных племен была разгромлена и подчинена силой оружия (τῷ κράτει τῶν ὅπλων... τοὺς μὲν γὰρ ὑποτάξας), а другая – усмирена «раздачей денег» (τοὺς δὲ μισθοδοτήσας), более того, Константин заключил соглашения с некоторыми из этих племен (τοὺς δὲ φίλους ἀντὶ πολεμίων... καταστήσας). Геласий восторженно подчеркивает, что в результате победоносный Константин привел под своим командованием «всех союзников» (ἐπήγετο πάντας συμμάχους) и, умиротворив рейнские регионы (πολλὰ τε βάρβαρα ἔθνη χειρωσάμενος – «захватив в плен многие варварские племена»¹), он направил свои войска в Италию с целью свергнуть Максенция. В этом смысле приобретает важность и другое сообщение Геласия, в котором автор из Кизика утверждает, что Константин «привел десять племен галлов, франков и испанцев»² (Γάλλων τε καὶ Φράγγων καὶ Σπάνων δέκα ἔθνη προσαγαγόμενος), которые проследовали за ним к границам Италии (Gel. Syz. HE. I. 4. 2–5).

Как нам кажется, цитированные выше фрагменты ставят перед исследователями два важных вопроса: из каких источников Геласий получил свои сведения о войне Константина с германцами на Рейне и чем эти сведения отличаются от сообщений других авторов, по большей части – византийского историка Зосима, который в равной мере довольно подробно рассказал о военных мероприятиях, предпринятых Константином в 312 г. Ответы на эти вопросы, как мы думаем, позволят по-новому рассмотреть структуру позднеримской военной организации в начале IV в., а это, в свою очередь, даст возможность изучить,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.М.

² Очевидно, здесь Геласий имеет в виду войсковые соединения, набранные или просто перемещенные в качестве уже действующих отрядов из позднеримских испанских диоцезов. Но применительно к этому моменту у нас есть серьезные сомнения в достоверности слов церковного историка: несмотря на то что, как вполне верно предположил М. Куллхэд, Испания никогда не принадлежала к владениям Максенция и не признавала его власть, у нас в то же время нет источников, которые бы прямо указывали на наличие подобного контроля со стороны Константина или тем более на участие войск из Испании в походе против Максенция (см. [2, p. 68–69]).

как и в каких обстоятельствах были учреждены войсковые подразделения, носившие привилегированный ранг *auxilia palatina*.

1. Геласий из Кизика, Геласий Кесарийский и Зосим: христианская и языческая трактовки

В серии своих блистательных и глубоко разработанных статей, опубликованных в основном в 1966–1973 гг., Ф. Винкельманн убедительно доказал, что именно *Syntagma* Геласия Кизикийского наиболее точно и подробно сохранила текст утерянной к настоящему времени «Церковной истории» другого автора, который жил во второй половине IV в., – Геласия Кесарийского, епископа палестинской Цезареи (Кесарии). Не дошедшая до нас «Церковная история» Геласия Кесарийского цитируется тем не менее во многих источниках, написанных главным образом в V в. (Сократ Схоластик, Руфин Аквилейский) и позже, уже в византийскую эпоху (ряд агиографических текстов IX – XI вв.), но только *Syntagma* Геласия Кизикийского служит для нас главным и незаменимым источником по воссозданию труда кесарийского епископа [3, S. 130; 4, S. 25, 29, 43, 46, 76, 103–104; 5, S. 313–314; 6, S. 194–195].

В этом смысле примечательно, что в одной из своих работ Ф. Винкельманн предположил, что большой фрагмент текста Геласия Кизикийского, включая также и рассказ о борьбе Константина с германцами, цитированный выше, был переписан именно из «Церковной истории» Геласия Кесарийского. Эта утерянная «История», таким образом, служила для Геласия из Кизика основным источником при изложении событий, связанных с войнами Константина на Рейне. В то же время, следуя небольшой заметке патриарха Фотия, немецкий византинист идентифицировал весь текст восстановленной «Истории» Геласия Кесарийского как прямое продолжение «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, «отца» церковной историографии; согласно мнению Ф. Винкельманна, Геласий Кесарийский просто продолжил или дополнил труд своего знаменитого предшественника. Эта идея привела ученого к заключению, что в строгом смысле две работы Евсевия были главным источником знаний Геласия Кесарийского, а именно: обширный панегирик «Жизнь Константина» и более общая «Церковная история», которая и была продолжена Геласием Кесарийским [7, S. 348, n. 3, 375, 378].

Несмотря на то что в начале 90-х годов XX в. к тем же выводам пришел П. Нотен и впоследствии сам Ф. Винкельманн дал более подробную аргументацию своей идеи [8, p. 171, 182–183; 9, S. 409], мы можем поставить под сомнение проблему источников Геласия Кесарийского. Примечательно, что даже Ф. Винкельманн был вынужден признать, что Геласий Кесарийский приобрел многие свои сведения из устной традиции, то есть из различных историй очевидцев, особенно применительно к христианизации Грузии и Эфиопии [7, S. 375].

Если мы принимаем идею, что «История» Геласия Кесарийского стала основой для сведений Геласия Кизикийского, мы в то же время должны признать, что *Syntagma* историка из Кизика содержит несколько интересных деталей, которые не упоминаются в работах других позднеримских и ранневизантийских авторов. Прежде всего это касается слов Геласия о том, что Константин перевел на свою сторону некоторые германские племена благодаря распределению денег (τοὺς δὲ μισθοδοτήσας). Фактически пассаж Геласия позволяет заключить,

что значительная часть армии Константина состояла из германских наемников, на вербованных императором в ходе его военных кампаний на рейнской границе.

Однако византийский историк Зосим утверждает в своей работе, что Константин предпринял поход против Максенция, «собрав войска из тех пленных варваров, которые были у него, и германцев, и других кельтских племен, и из тех, кто уже был собран из Британии» (καὶ συναγαγὼν δυνάμεις ἔκ τε ὧν ἔτυχεν ἔχων δορκιτῶν βαρβάρων καὶ Γερμανῶν καὶ τῶν ἄλλων Κελτικῶν ἐθνῶν, καὶ τοὺς ἀπὸ τῆς Βρεττανίας συνελεγμένους (Zos. II. 15. 1)).

Современник Константина, латинский поэт Публилий Оптациан Порфирий в одном из своих стихотворных панегириков, написанных, как предположил Т. Барнс, во второй половине 324 г. [10, p. 182], отмечает, что:

*Lege tuus tonso Rhenus tibi germinat exul
Agmina, telorum subeant qui murmure bella* (Opt. Porf. Carm. 18. 9–10).

«Согласно закону урожая твой (то есть Константина Великого – Е.М.)
Рейн возвращает для тебя толпы изгнанников,
которые выдерживают битвы со звуком копий».

Как мы видим, источники, цитированные выше, не содержат каких-либо упоминаний о наемных варварах, нет в целом ясных и отчетливых ссылок на институт наемничества в структуре армии Константина, как раз наоборот, все авторы настойчиво стремятся подчеркнуть, что в своей кампании против Максенция Константин использовал только пленных варваров либо тех, кто добровольно перешел к нему на службу (по сути, сдался на милость победителя, как в случае с Оптацианом Порфирием). Интересно, что даже такой резкий критик политики Константина, как язычник Зосим, в равной мере не свободен от этой тенденции. Мы полагаем, что слова Геласия Кизикийского о наемниках не были результатом неверной трактовки тех источников, которые он использовал: как убедительно показал К. Эрхард, Геласий цитирует с большими искажениями и неточностями только документы самого Вселенского собора, но не церковные хроники и светские «Истории», если мы принимаем идею, что автор из Кизика действительно обращался к последней из названных категорий источников [11, p. 54, 56–57].

К сожалению, у нас нет точных данных, позволяющих сказать, из каких источников сам Геласий Кесарийский приобрел свои сведения о войнах Константина с зарейнскими германцами. Тем не менее следует подчеркнуть, что «История» епископа Кесарии, которая стала основой для повествования Геласия Кизикийского, поднимает вопросы совершенно другого плана. Указывают ли слова автора из Кизика на какие-либо правовые или социальные различия между пленными и наемными германцами, и если да, как эти различия сохранили свое первоначальное значение и как они были отражены в источнике под названием *Notitia Dignitatum* – списке всех гражданских и военных должностей поздней Римской империи, составленном предположительно в 401 и 419 гг. (восточная и западная половины этого документа соответственно) [12, p. 143–144, 146; 13, p. 372–374, 375, n. 69]? На наш взгляд, данные триумфальной (победной) надписи, воздвигнутой в честь Константина I, а также сведения латинских панегириков, по-разному возвеличивающих личность этого императора, вносят

определенную ясность в решение данной проблемы. Следовательно, обратимся к анализу указанных источников в следующей главе.

2. Германская политика Константина I на рейнской границе: пленные и наемные германцы – два вида вспомогательных соединений

На сегодняшний день исследователям известен только один текст, который был составлен самими солдатами, участвовавшими в войнах Константина с зарейнскими германцами, а именно – латинская надпись из Кельна (в римский период – *Colonia Agrippinensium*), сообщающая о строительстве крепости вблизи города. В этом смысле можно сказать, что данная надпись – уникальный памятник, поскольку это единственный эпиграфический источник о военных кампаниях Константина на рейнской границе; все остальные сведения нам дают только повествовательные источники – панегирики в честь Константина. Текст надписи по изданию в CIL XIII 8502 = D 8937 выглядит следующим образом:

Virtute domini Constantini Maximi / Pii Felicissimi Invicti Augusti / suppressis domitisque Francis / in eorum terris castrum Divitensium / sub praesentia principis sui / devoti numini maiestatique / duoetvicensimani vota fecerunt // X / XX (CIL XIII 8502 = D 8937). – «Когда доблестью повелителя Константина Великого – божественного, самого счастливого, непобедимого Августа – франки были раздавлены и побеждены, в их землях в присутствии своего благочестивого императора солдаты двадцать второго легиона дали молитвы (в честь) божественности и величия (императора) и построили крепость *Divitensium*».

Процитированная надпись из Кельна, сохранившаяся только в пересказах нескольких средневековых авторов (наиболее полная и лучшая версия представлена у Лаврентия Сурия, знаменитого агиографа и церковного историка XVI в.), содержит ряд важных сведений, касающихся не только победы императора над франками, но также и военных сил, которые играли ключевую роль в отражении франкских набегов на римскую Галлию. В 1989 г. Т. Грюневальд датировал возведение этого памятника 315 г., предположив, что установка каменной плиты с надписью состоялась в честь празднования десятилетнего юбилея правления Константина. С другой стороны, как полагает исследователь, размещение гарнизона так называемых солдат *duoetvicensimani* в крепости *Divitia* (современный *Deutz* в пределах Кельна) произошло в 312 г., когда Константин отправил свои войска в Италию. Таким способом, согласно мнению Т. Грюневальда, император восполнил дефицит кадрового состава в гарнизоне крепости, поскольку ее старый войсковой гарнизон был переведен в Италию [14, S. 177–178, 182, 184–185].

Но у нас есть серьезные сомнения в правильности подобной идеи, поскольку, как нам кажется, эта точка зрения прямо противоречит сведениям источников и полностью пренебрегает данными Геласия Кизикийского. На наш взгляд, события, отраженные в тексте надписи, произошли до 312 г. и, следовательно, не могли быть связаны с кампанией 312 г.; более того, мы можем предположить, что возведение надписи как таковой состоялось не в 315 г.

В частности, панегирик 307 г. утверждает, что в 306 г., когда франки в первый раз вторглись в Галлию после восшествия Константина, он предпринял карательную экспедицию и одержал блистательную победу над врагами: Paneg. Lat. VII.(VI). 4.2: *Multa ille Francorum milia... interfecit depulit cepit abduxit* («Он

уничтожил, изгнал, захватил и привел с собой... многие тысячи франков»). Панегирик 310 г. добавляет к столь общей и привычной картине несколько новых и ценных фактов, отмечая, что в том же году франки столкнулись не только с войсками Константина, но и с непреодолимой мощью крепостей, расположенных вдоль линии рейнской границы: Paneg. Lat. VI.(VII). 11.5: *Contra hinc per intervalla disposita magis ornant litem castella quam protegunt...* («По этой причине крепости, размещенные против них (то есть франков – *Е.М.*) через промежутки, скорее украшали, чем защищали границу»). С другой стороны, четыре года спустя, в 310 г., согласно Лактанцию, Константин предпринял новую кампанию против франков, взяв с собой только небольшую часть от всей галльской армии (*Paucis militibus*) в результате вероломного совета своего зятя Максимиана Геркулия (*ne omnem secum exercitum duceret... relictis militum parte maiore* – Lact. mort. pers. 29. 4–5).

Вопреки мнению Ж. Моро, что «небольшая часть войск», которая сопровождала Константина в 310 г., уже была независимой и полноценной армией *comitatenses* [15, S. 47], мы можем признать, что эти подразделения представляли собой только пограничные силы, временно отведенные с рейнской границы для выполнения боевой операции. В этом смысле идея, предложенная Д. ван Берхемом в 1952 г. и недавно поддержанная М. Коломбо, кажется нам вполне верной и обоснованной: согласно их мнению, армия, с которой Константин предпринял поход против Максенция в 312 г., частично была составлена из рейнских пограничных легионов (более точно – из различных отрядов, выделенных из своих «материнских» легионов). Но это был только первый решительный шаг на пути к созданию новой и полноценной армии *comitatenses*, которая была признана официально не ранее, чем в 325 г. [16, p. 108; 17, p. 126–127].

Слова панегирика, что Константин «оставил Рейн в безопасности, поскольку ты (то есть Константин – *Е.М.*) разместил войска вдоль всей границы» (*Rhenum tu quidem toto limite dispositis exercitibus tutum reliqueras* – Paneg. Lat. XII.(IX). 2.6), определенно свидетельствуют в пользу того, что около 312 г. в Галлии существовали две отдельные армии, обособленные друг от друга, а именно: пограничные гарнизоны, стоявшие на рейнской границе, и полевые войска, непосредственно подчинявшиеся Константину. Этот вывод подтверждается также цитированным выше пассажем Геласия Кизикийского, которому, на наш взгляд, исследователи не уделяли должного внимания. Подчеркнем, Геласий совершенно четко говорит о «небольшой армии» (ὀλίγη στρατὴ), с которой Константин «перешел многие границы и неизвестные реки» (πολλὰ μὲν ὄρη πολλοὺς δὲ ποταμοὺς ἀνώνυμους – Gel. Syz. HE. I. 4.5). Но, с другой стороны, та армия, которая предприняла поход против франков двумя годами ранее, в 310 г., могла быть только пограничной, и ее подразделения, как кажется, вернулись в свои первоначальные гарнизоны после того, как кампания была завершена.

Это значит, что надпись из Кельна должна рассматриваться как памятник о событиях 306–310 гг., когда, как показывают панегирики, Константин действительно проводил все военные кампании против франков лично, *постоянно опираясь только на пограничную армию*, то есть на те гарнизоны, которые были размещены в крепостях вдоль рейнской границы. Именно поэтому данная надпись сообщает о строительстве новой крепости, укомплектованной как раз

одним из отрядов, которые были отправлены против франков, то есть подразделением (вексилляцией), выделенным из состава *legio XXII Primigenia* (так называемые *duoetvicensimani*). Этот отряд, как свидетельствует надпись, не вернулся во внутренние регионы Галлии, чтобы стать частью предполагаемой полевой армии, но остался на границе, просто разместившись во вновь построенной крепости.

Именно в течение короткого периода 306–310 гг. военная политика Константина характеризовалась старой стратегией эпохи Тетрархов (главным образом Диоклетиана и Максимиана Геркулия), когда империя в основном опиралась на стационарные пограничные силы, присоединенные на постоянной основе к различным пунктам на границе (*limes*). Все войска были сконцентрированы на границах империи, и основная задача по защите территории была возложена на пограничные гарнизоны, в то время как небольшая личная императорская гвардия (*comitatus*) неизбежно должна была выполнять только вспомогательные задачи.

Но у нас есть другой вопрос: какие новые данные вносят в эту общую картину сведения Геласия Кизикийского? Мы можем предположить, что экспедиция за Рейн, предпринятая Константином в 312 г., полностью отличалась от всех предшествующих кампаний по своим целям и задачам, знаменуя собой подлинное начало новой полевой армии. Очевидно, Константин совершил свой марш через Рейн не для того, чтобы отразить один из многочисленных франкских набегов, поскольку, как ясно свидетельствует Геласий, в 312 г. со стороны франков не было никаких реальных атак, существовали лишь опасения Константина относительно *предполагаемых* вторжений германцев: εἰδὼς... ἔθνη φιλόκαινά τε εἶναι καὶ πρὸς τὰς... ἐπαναστάσεις εὐρίπιστον ἔχειν ὁρμὴν – «зная... что племена [германцев – Е.М.] любят все новое и... имеют легко возбудимую склонность к восстаниям» (Gel. Suz. HE. I. 4.2). Поэтому, на первый взгляд, можно рассматривать поход Константина как превентивную меру.

Но, по нашему мнению, реальная цель Константина в этих территориях состояла в том, чтобы пополнить свою небольшую полевую армию (ὀλίγῳ στρατῷ), учрежденную совсем недавно, новыми рекрутами, среди которых пленные франки играли ключевую роль (вспомним цитированные выше фразы Геласия, которые характеризуют подобный аспект политики Константина: τοὺς μὲν γὰρ ὑποτάξας и πολλά τε βάρβαρα ἔθνη χειρωσάμενος). В то же время остальные племена, отправившие в армию Константина свои «союзные» наемные отряды (τοὺς δὲ μισθοδοτήσας, τοὺς δὲ φίλους ἀντὶ πολεμίων... καταστήσας, ἐπανήγαγε πάντας συμμαχοὺς соответственно), дали начало будущим дворцовым ауксиям (*auxilia palatina*), которые обладали наиболее привилегированным и высоким рангом в позднеримской военной иерархии.

В связи с этим, принимая идею Д. Хоффманна, что военный ранг *palatini*, который подразумевал подразделения, размещенные в резиденциях императоров, был учрежден только в 365 г., то есть во время правления Валентиниана I [18, S. 172–173], мы полагаем, что сами войсковые части, получившие ранг *palatini* в середине 60-х годов, были созданы уже при Константине, более точно, как раз в ходе его экспедиции против германцев, незадолго до битвы с Максенцием. В 2004 г. Г. Манелла совершенно правильно подчеркнул, что некоторые

латинские надписи из Италии, упоминающие вексилляции далматской кавалерии, а также одна надгробная эпитафия, фиксирующая пребывание некоего отряда *catafractarii* в пределах Италии, ясно указывают на участие этих соединений в борьбе с Максенцием на стороне Константина [19, p. 360, 362–363].

Принимая эту идею, мы можем признать, что старые когорты *Dalmatae* и *ala catafractariorum* (тяжеловооруженные всадники), которые прибыли в Галлию еще в эпоху раннего Принципата (АЕ. 1992. 1290, *cohors V Dalmatarum*; АЕ. 1995. 1021, *cohors I Dalmatarum*; АЕ. 1931. 68, СРL XIII 7323, *ala Firma catafractaria*), позднее стали частью полевой армии Константина, более того, мы можем предположить, что эти отряды неизбежно должны были быть пополнены пленными франками. И наоборот, исключая те же подразделения далматской кавалерии, тяжеловооруженную кавалерию и ряд подразделений (вексилляций), выделенных из старых пограничных легионов, мы можем прийти к выводу, что остальные военные формации, которые принято называть «ауксилиями», были составлены из наемных германцев, служивших в армии Константина на основе более привилегированных условий, следовательно, они обладали особым статусом, формируя отдельный, обособленный вид войск в позднеримской армии.

Применительно к этим вопросам следует отметить, что проблема происхождения позднеримских ауксильев продолжает оставаться дискуссионной областью исследований. Например, Д. Хоффманн датировал учреждение данных войсковых корпусов исключительно периодом Тетрархии, связывая возникновение ауксильев с военными кампаниями Диоклетиана и Максимиана Геркулия на рейнской границе, в то время как К. Цукерман и О. Шмитт настойчиво приписывали начало этого процесса середине или даже первой трети III в., то есть эпохе позднего Принципата [18, S. 156–157, 170–172; 20, S. 108–109; 21, p. 18–20]. М.П. Шпайдель занял довольно неопределенную позицию, полагая, например, что ауксилия *Regii* восходит к отряду аламаннов, который в 306 г. помог Константину взойти на трон [22, p. 165]. Но мы бы хотели подчеркнуть, что большинство тех соединений, которые дали начало позднеримским ауксильям, были наемными, главным образом именно в 312 г. из германцев, с которыми Константин заключил соглашения (договоры) незадолго до своего похода против Максенция. Согласно этим соглашениям союзные племена должны были отправить в регулярную римскую армию наемные корпуса, служба которых оплачивалась золотом.

Безусловно, мы не имеем точных данных, позволяющих сказать, какие официальные (административные) имена получили наемные германские корпуса, когда они вошли в состав полевой армии Константина, но мы хотели бы подчеркнуть сам принцип, согласно которому были учреждены **будущие** подразделения *auxilia palatina*. Мы полагаем, что только наемные отряды, уже занимавшие привилегированные позиции вследствие особых условий своей службы, остались в императорской гвардии и сохранились там как независимые, полноценные *этнические* подразделения. Они всегда были приближены к императору, в то время как пленные франки, которых ранее Константин неоднократно побеждал на полях сражений, могли быть зачислены в регулярные силы только в качестве обычных рядовых солдат, чья служба проходила в регулярных соединениях

comitatenses вместе с местными римскими жителями без каких-либо различий. Говоря в целом, следует подчеркнуть, что пленные франки не формировали отдельных этнических подразделений в эпоху Константина.

И наконец, последний вопрос, на который также необходимо обратить внимание. В 2004 г. М.П. Шпайдель опубликовал интересную статью, в которой он попытался доказать, что четыре ауксии, упомянутые в *Notitia Dignitatum* – *Cornuti-Brachiati* и *Petulantes-Celtae*, были созданы в эпоху Константина именно из пленных германцев. Главным аргументом в пользу этого вывода послужил панегирик Юлиана Оступника, посвященный Констанцию II, сыну Константина, в котором Юлиан рассказывает о том, как различные германские племена были побеждены, захвачены в плен и приняты в римскую армию победоносным Константином. Таким образом, по мнению М.П. Шпайделя, эти пленные массы дали начало отдельным войсковым соединениям (ауксиям), среди которых исследователь находит и четыре названных выше отряда [23, р. 134–135]. Данное утверждение заставляет нас обратиться к спорному пассажи Юлиана с целью определить, как именно его панегирик рассматривает и объясняет взаимоотношения Рима и германцев в период правления императора Константина. Это, в свою очередь, еще раз более рельефно и точно позволит выявить значение и роль «Церковной истории» Геласия Кизикийского в общем ансамбле источников по позднеимперской военной тематике.

Пассаж Юлиана звучит следующим образом: Κελτοὶ καὶ Γαλάται... ἄκοντες ἡμῖν ὑπεῖκουσιν, ἐς τοὺς καταλόγους τῶν στρατευμάτων ἐγγράφονται, καὶ τέλη παρέχονται λαμπρὰ παρὰ τῶν σὼν προγόνων καὶ πατὴρ κατεῖλεγμένα· εἰρήνης δὲ μακρᾶς... ἀπολαύοντες, ἐπιδούσης αὐτοῖς τῆς χώρας πρὸς πλοῦτον καὶ εὐανδρίαν, καὶ ἀδελφοῖς τοῖς σοῖς στρατιώταις καταλέξει πολλοὺς παρέσχοντο (Jul. Or. I. 28, 1–11 = Julian, Works I. 34 C-D). – «Кельты и Галаты... прибыли к нам вопреки своей воле и были зачислены в отряды войска, и они поставляли доблестные подразделения, набираемые твоими (то есть Констанция II – Е.М.) предками и отцом. Наслаждаясь великим миром... который дал им землю для благополучия и хорошей жизни, они позволили твоим братьям набирать многих воинов».

Конечно, мы предложили свой собственный перевод, но думаем, что цитированный пассаж совершенно не упоминает вспомогательные войсковые соединения (ауксии), обладавшие элитным, привилегированным статусом и размещавшиеся к тому же в императорских дворцах или резиденциях. Как раз наоборот, мы можем видеть в этом фрагменте детальное описание *пленных* германцев, которые были принудительно распределены среди регулярных войсковых соединений, существовавших задолго до этого, то есть до восшествия на престол неких «предков» Констанция II и самого императора Константина I Великого. В этом плане у нас нет сомнений, что так называемые предки не кто иные, как Констанций Хлор – отец Константина Великого, дед Констанция II – и в определенной мере соправители Констанция Хлора – Диоклетиан и Максимиан Геркулий. Возникает закономерный вопрос: почему мы должны видеть в этих Κελτοὶ καὶ Γαλάται будущие дворцовые ауксии, если даже сам текст Юлиана прямо упоминает о расселении пленных германцев в пределах римских земель?

На наш взгляд, как раз наоборот, факт расселения однозначно указывает только на одну возможную трактовку: пленники-германцы из панегирика Юлиана

создавали на римской территории (преимущественно в Галлии) колонии поселенцев-летов – промежуточный вид войска, ведущий свое происхождение от пленных франков и аламанных конца III в. Эти «солдаты-крестьяне», по выражению одного из исследователей [24], образовывали сельские общины, поставлявшие в римскую армию хорошо обученных и подготовленных рекрутов и в то же время обрабатывавшие земли, которые были даны им за военную службу. Латинские панегирики эпохи Тетрархии содержат большое количество сведений о подобном роде войск, восхваляя милость и щедрость императоров, позволивших пленным германцам жить под властью римлян. Без сомнений, *laeti* формировали отдельные и полноценные войсковые соединения, однако они занимали только самый нижний ранг в позднеимперской военной иерархии, будучи приписанными исключительно к пограничной армии, но не к полевым и особенно дворцовым войскам.

Мы можем предположить, что цитированный выше пассаж Юлиана служит дополнительным аргументом в пользу нашего вывода, следовательно, объединение данных Геласия Кизикийского и Юлиана вносит новый смысл в понимание как самих слов Юлиана, так и военных реформ императора Константина I в целом. Константин, как и многие его предшественники, использовал силы пленных германцев в своих военных кампаниях, принудительно набирая и зачисляя их в римскую регулярную армию (легионы и кавалерийские соединения); однако он мог проводить подобную политику только в отношении пленных, но не свободных (наемных) германцев. Пленники-германцы зачислялись в уже существующие войсковые корпуса (ἐς τοὺς καταλόγους τῶν στρατευμάτων ἐγγράφονται) или расселялись римской администрацией на территории пограничных земель Галлии (ἐπιδοῦσης αὐτοῖς τῆς χώρας πρὸς πλοῦτον καὶ εὐανδρίαν), в то время как именно наемные германцы (τοὺς δὲ μισθοδοτήσας, согласно словам Геласия) внесли решающий вклад в возникновение и развитие нового войскового ранга и войск *auxilia palatina*.

Summary

E.A. Mekhamadiev. The Ecclesiastical History of Gelasius of Cyzicus and the Campaign of Constantine the Great against Maxentius in 312 A.D.: on the Establishment of Late Roman Military Rank *auxilia palatina*.

The main problem of research on the military reforms initiated by the Emperor Constantine I (306–337 A.D.) is that it is hard to trace differences between the legal status and rank of military units established by this ruler. All the sources most frequently cited by the scholars (Eusebius of Caesarea, Zosimus, Latin Panegyrics), unfortunately, specify nothing on the origin and titles of all the detachments, which fought together with Constantine against Maxentius and Licinius, his main rivals. In this respect, the data provided by Gelasius of Cyzicus in his neglected Ecclesiastical History may clarify some aspects of this problem despite that the text itself was published as early as 1918. However, this source has not drawn attention of the scholars, who traditionally relied on more famous ancient writers. On the basis of Gelasius' evidence, the origin of military units, which received the title of *auxilia palatina* in the Late Roman military hierarchy, was considered in this paper. Solution to the discussed problem is directly associated with the involvement and role of the German tribes in Constantine's army. The evidence presented by Gelasius help to understand the kinds of this involvement and how differences in service influenced the formation of *auxilia palatina* rank.

Keywords: Gelasius of Cyzicus, Germans, legion, Constantine I, mercenaries, auxiliaries.

Источники

- AE – L'Année épigraphique. – Paris, 1889–.
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. – Berlin, 1863–1959. – V. I–XVI.
- D – Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. – Berolini, 1892–1916. – V. 1–4.
- Gel. Cyz. HE – Anonyme Kirchengeschichte (Gelasius Cyzicenus, CPG 6034) / Hrsg. G.C. Hansen. – Berlin: De Gruyter, 2002. – LVIII + 201 S.
- Jul. Or. – L'empereur Julien. Oeuvres complètes / Ed. J. Bidez. – Paris: Les Belles Lettres, 1932. – V. 1.1. – XXVIII + 235 p.
- Paneg. Lat. – In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini / Introd., transl., historical comm. with the Latin text of R.A.B. Mynors. Ed. C.E.V. Nixon, B.S. Rodgers. – Berkeley; Los Angeles; Oxford: Univ. California Press, 1994. – XII + 736 p.
- Lact. mort. pers. – Laktanz: De mortibus persecutorum = Die Todesarten der Verfolger / Übers. A. Städele. – Turnhout: Brepols Publ., 2003. – 270 S.
- Opt. Porf. Carm. – Publilii Optatiani Porfyrii Carmina / Rec. L. Mueller. – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1877. – XLIV + 76 p.
- Julian, Works – The Works of the Emperor Julian / With Eng. transl. by W.C. Wright. – London: William Heinemann, 1913. – V. I. – XIV + 510 p.
- Zos. – Zosime: Histoire Nouvelle / Ed. F. Paschoud. – Paris: Les Belles Lettres, 1971–1989. – V. 1–3.

Литература

1. Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus // Greek & Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco. – Leiden: Brill, 2003. – P. 257–288.
2. Cullhed M. Conservator urbis suae. Studies in the politics and propaganda of the emperor Maxentius. – Stockholm: Åström, 1994. – 108 p.
3. Winkelmann F. Die Quellen der Historia Ecclesiastica des Gelasius von Cyzicus (nach 475) // Byzantinoslavica. – 1966. – V. 27. – S. 104–130.
4. Winkelmann F. Untersuchungen zur Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966. – 123 S.
5. Winkelmann F. Das Problem der Rekonstruktion der Historia Ecclesiastica des Gelasius von Caesarea // Forschungen und Fortschritte. – 1964. – Bd. 38. – S. 311–314.
6. Winkelmann F. Zu einer Edition der Fragmente der Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Byzantinoslavica. – 1973. – V. 34. – S. 193–198.
7. Winkelmann F. Charakter und Bedeutung der Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Byzantinische Forschungen. – 1966. – Bd. 1. – S. 346–385.
8. Nautin P. La continuation de l'«Histoire ecclésiastique» d'Eusèbe par Gélase de Césarée // Revue des études byzantines. – 1992. – V. 50. – P. 163–183.
9. Winkelmann F. Zur nacheusebianischen christlichen Historiographie des 4. Jahrhunderts // Πολυπλευρος νοος: Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hrsg. C. Scholz, G. Makris. – München; Leipzig: K.G. Saur, 2000. – S. 404–414.
10. Barnes T.D. Publilius Optatianus Porfyrius // Am. J. Philology. – 1975. – V. 96, No 2. – P. 173–186.
11. Ehrhardt C. Constantinian Documents in Gelasius of Cyzicus' Ecclesiastical History // Jahrb. Antike und Christentum. – 1980. – V. 23. – P. 48–57.

12. *Zuckerman C.* Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis // *Antiquité Tardive*. – 1998. – V. 6. – P. 137–147.
13. *Kulikowski M.* The “Notitia Dignitatum” as a Historical Source // *Historia*. – 2000. – V. 49. – P. 358–377.
14. *Grünwald Th.* Ein epigraphisches Zeugnis zur Germanenpolitik Konstantins des Grossen: Die Bauinschr. des Deutzer Kastells (CIL XIII 8502) // *Labor omnibus unus: Gerold Walser zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern* / Hrsg. H.E. Herzig, R. Frei-Stolba. – Stuttgart: F. Steiner-Verlag, 1989. – S. 171–185.
15. *Moreau J.* Zur spätrömischen Heeresreform // *Moreau J. Scripta minora*. – Heidelberg: Carl Winter, 1964. – S. 42–50.
16. *Berchem D. van.* L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. – Paris: P. Geuthner, 1952. – 130 p.
17. *Colombo M.* Constantinus rerum novator: dal comitatus diocleziano ai palatini di Valentiniano I // *Klio*. – 2008. – V. 90/1. – P. 124–161.
18. *Hoffmann D.* Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. – Düsseldorf: Rheinland-Verlag, 1969. – Bd. I. – XV + 531 S.
19. *Manella G.* La campagna di Costantino nell'Italia nord-occidentale: la documentazione epigrafica // *L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12–14 sept. 2002)* / Eds. Y. Le Bohec, C. Wolf. – Paris: De Boccard, 2004. – P. 359–371.
20. *Schmitt O.* Stärke, Struktur und Genese des comitatensischen Infanterienumerus // *Bonner Jahrb.* – 2001 [2004]. – Bd. 201. – S. 93–110.
21. *Zuckerman C.* Les “Barbares” romains: au sujet de l'origine des auxilia tétrarchique // *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle* / Ed. M. Kazanski. – Rouen: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. – P. 17–20.
22. *Speidel M.P.* Raising New Units for the Late Roman Army: Auxilia Palatina // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1996. – V. 50. – P. 163–170.
23. *Speidel M.P.* The Four Earliest Auxilia Palatina // *Revue des études militaires anciennes*. – 2004. – V. 1. – P. 133–146.
24. *Simpson J.* Laeti in the Notitia Dignitatum. “Regular” Soldiers vs. “Soldier-Farmers” // *Rev. belge philol. his.* – 1988. – V. 66. – P. 80–85.

Поступила в редакцию
01.10.14

Меxамадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mehamadiev@gmail.com